

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА НАУК О РЕЛИГИИ

Федорова Марина Владимировна

доцент кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.А.Добролюбова;

кандидат философских наук, доцент (г. Нижний Новгород, Россия)

В настоящее время одним важнейших вопросов, встающих перед теми, кто изучает проблему религии, является вопрос о религиозной идентичности: её критериях, факторах формирования, соотношении динамических процессов и константных оснований. Эта проблема актуализируется в условиях быстроменяющегося современного мира, в котором процессы религиозной идентификации оказываются обусловленными разнообразными (и не всегда до конца понятными) новыми цивилизационными факторами (становлением информационно-коммуникативного пространства, глобализацией, массовой культурой, новыми философско-культурными дискурсами и идеологиями – постмодерн, after-постмодерн и т.д.). В этих новых условиях возникает необходимость формирования комплексного взгляда на некоторые важные проблемы религиоведения, в том числе на проблему религиозной идентичности. Такой подход можно встретить, например у А.Н.Крылова, выделяющего несколько измерений религиозной идентичности: феноменологическое, антропологическое, историческое, социальное, географическое, теологическое, секулярное [2, с. 27–222].

Приоритетным направлением исследования религиозной идентичности было и остаётся её изучение как вида социальной идентичности. Здесь надо отметить наличие определённой дискуссионности. Это, во-первых, связано с вопросом о соотношении понятий «религиозная идентичность» и «религиозность». Во-вторых, с установлением критериев и индикаторов религиозности и религиозной идентичности. Наиболее распространённым среди исследователей (В.Ф. Чеснокова, С.Б. Филатов, Р.Н. Лункин, Е.В. Панкратова и др.) индикатором как религиозной идентичности, так и религиозности является самоидентификация респондента, предполагающая, с одной стороны, определение себя в качестве верующего/неверующего, а с другой стороны, определение своей конфессиональной принадлежности. Хотя необходимо

учитывать, что данный критерий не гарантирует стопроцентной объективности исследования. Споры о необходимости подтверждения отнесения респондента к той или иной религиозной традиции зачастую приводят к «конфликту мнений» и становятся причиной значительных расхождений в оценке численности представителей различных конфессий. Например, Ю.Ю. Синелина, внесшая значительный вклад в развитие социологии религии, утверждала, что «идентифицировать людей в качестве неправославных, если они считают себя православными... неправомерно» [4, с. 96]. Следуя этому положению и принимая за основной критерий конфессиональное самоопределение, мы видим внешне довольно стабильную картину как в России, так и Белоруссии: большинство опрошенных относят себя к православным. В Белоруссии, по официальным данным, это около 80% [5, с. 221], в России – около 70% [3]. Но при этом отмечается «некоторая декларативность веры» [5, с. 221], что отражается в низкой религиозной активности населения, с уверенностью идентифицирующих себя как православных. Это говорит о необходимости учитывать дополнительные критерии, в том числе и те, которые не являются предметом изучения социологии религии.

Под религиозной идентичностью мы предлагаем понимать представления индивида о личной и групповой религиозной принадлежности, переживание индивидом самого себя в качестве носителя религиозных идей, ценностей, норм, а также ощущение своего членства в религиозной группе и способы проявления этого ощущения в ситуациях религиозного контакта (религиозное поведение). Уже исходя из этого предложенного нами определения становится очевидно, что религиозная идентичность, как и любая другая форма идентичности, будет иметь два полюса выражения: не только социальный, но и личностно-персональный. Здесь понятие религиозная идентичность близко к пониманию религиозности в трактовке Г.Олпорта, выделяющего внутренне ориентированную религиозность и внешне ориентированную религиозность. Оценка персональных религиозных переживаний индивида всегда будет вызывать ряд сложностей и в значительной степени становится предметом исследования не социологии, но психологии религии.

Также нужно учитывать, что религиозная идентичность (как и смежное понятие религиозность) есть динамичное явление. Попытку объяснить развитие религиозных представлений и религиозной идентичности мы встречаем в теориях faith development (Дж. Фаулер, Ф. Озер, П. Гмюндер, Р. Рох, Дж. Мартос и др.), апеллирующих к концепции стадий развития идентичности Э. Эриксона. Динамичный характер религиозной идентификации, этапное развитие религиозных ориентаций заставляет нас предполагать, что на разных стадиях религиозной идентичности мы будем наблюдать приоритет либо внешне ориентированной религиозности (чувство принадлежности к какой-либо религиозной организации), либо внутренне ориентированной (экзистенциальные переживания своих религиозных чувств). Такой дисбаланс между социальной и личностно-индивидуальными составляющими религиозной идентичности мы наблюдали

и в исследовании религиозных ценностей молодёжи, проведённом на базе Нижегородского государственного лингвистического университета в 2014–2015 гг [1, с. 164–179].

Нужно учитывать также, что религиозное сознание подлжит не только персональному, но и историческому развитию, когда его специфика определяется культурно-цивилизационными особенностями той или иной эпохи. И если при этом мы признаем наличие константных метакатегорий религиозного сознания (например, «священное»), то нужно говорить о необходимости изучения феномена религиозной идентичности методами истории религии и феноменологии религии. Такой синтезирующий подход, интегрирующий историю, феноменологию религий и герменевтику, представлен, например, у М. Элиаде. Его концепция *homo religiosus* – это, в сущности, решение вопроса об идентичности, соответствии наличного бытия человека бытию Сакральному.

В контексте феноменологии религии и решения проблемы религиозной идентичности актуализируются различные вопросы, касающиеся единства и структуры религиозного сознания, а также разнообразных аспектов религиозного опыта. Например, это вопросы о соотношении мифологической и религиозной форм сознания, особенностях идентификационных механизмов в пространстве мифологического мировоззрения и т.д. Решение этих вопросов, на наш взгляд, поможет понять специфику того нового типа сознания, которое оформляется в настоящую эпоху, эпоху, генерирующую новую мифологию. Эти процессы неомифологизации (ремифологизации, демифологизации – в зависимости от позиции исследователя) деформируют привычные идентификационные механизмы и приводят к коренным трансформациям личности.

Литература

1. Динамика ценностных ориентаций молодежи (2006–2014 гг.) : монография / под общей ред. д-ра филос. наук, проф. Савруцкой Е. П. – Н. Новгород : ФГБОУ ВПО «НГЛУ»; СПб. : Издательство РХГА, 2014. – 232 с.
2. Крылов, А.Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. / А.Н. Крылов – М. : Издательство Икар, 2012. – 306 с.
3. Россияне о религии. (Электронный ресурс). URL: <http://www.levada.ru/old/24-12-2013/rossiyane-o-religii> (дата обращения 26.02.2016)
4. Синелина, Ю.Ю. О критериях определения религиозности населения / Ю.Ю. Синелина // Социологические исследования. – 2001. – № 7. – С. 89–96.
5. Юдин, В.В. Динамика и направленность религиозных процессов в современном белорусском обществе / В.В. Юдин // Социология религии в обществе Позднего Модерна: материалы Четвертой Международной научной конференции. НИУ «БелГУ», 12 сентября 2014 г. / отв. ред. С.Д. Лебедев. – Белгород : ИД «Белгород», 2014. – С. 215–223.